

Пименов Виталий Юрьевич

ФИЛОСОФИЯ БОГОСТРОИТЕЛЬСТВА КАК ИНВАРИАНТ РУССКОГО МАРКСИЗМА

Философские идеи А. В. Луначарского и А. А. Богданова - не только основа влиятельного философского течения начала XX в. - богостроительства, но и в значительной степени необходимая в российских условиях адаптация марксизма, ставшая идеологической матрицей революционных преобразований большевиков, особенно в сфере культуры. Богостроительство представлено как своеобразный религиомарксизм - российский инвариант марксизма, положенный в основу социалистических преобразований.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 150-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1(091)

Философские идеи А. В. Луначарского и А. А. Богданова – не только основа влиятельного философского течения начала XX в. – богостроительства, но и в значительной степени необходимая в российских условиях адаптация марксизма, ставшая идеологической матрицей революционных преобразований большевиков, особенно в сфере культуры. Богостроительство представлено как своеобразный религиомарксизм – российский инвариант марксизма, положенный в основу социалистических преобразований.

Ключевые слова и фразы: богостроительство; А. А. Богданов; А. В. Луначарский; религия; марксизм; революция.

Виталий Юрьевич Пименов, к. филос. н., доцент

Кафедра философии

Смоленский государственный университет

vpim@bk.ru

ФИЛОСОФИЯ БОГОСТРОИТЕЛЬСТВА КАК ИНВАРИАНТ РУССКОГО МАРКСИЗМА[©]

То, что идеология марксизма стала определяющей для судеб не только отдельных стран, но и всей мировой цивилизации в XX в., – факт очевидный и бесспорный. Идеи классиков марксизма востребованы и сегодня многими протестными социальными силами и движениями. Многие десятилетия Россия была экспериментальной площадкой реализации великого коммунистического проекта, включавшего в свои планы не только переустройство общества и социальных отношений, но и тотальное изменение человека, его сознания и моральной сущности. Как известно, этот эксперимент потерпел неудачу. Однако остается без ответа вопрос: насколько идеи и установки, реализованные в России, были марксистскими? Ведь вожди русской революции неоднократно указывали на необходимость творческого, а не догматического отношения к наследию К. Маркса и Ф. Энгельса, которые создавали теорию кризиса капитализма и революции применительно отнюдь не к России, где капитализм не достиг еще своей зрелости и тем более кризиса. Поэтому необходимость импровизации и адаптации марксистской теории к практике российских реалий была очевидна.

Философия богостроительства, всколыхнувшая общественное мнение в начале XX в. и позволившая по-новому взглянуть на сущность и направленность происходивших в России революционных процессов, и была результатом этой адаптации марксизма. Неслучайно среди идеологов этого интеллектуального движения мы видим будущих руководителей строительства нового человека и общества – А. В. Луначарского, А. А. Богданова и А. М. Горького, которые в разных статусах возглавляли и направляли процессы культурной революции в Советской России.

Философия богостроительства не была модным увлечением или интеллектуальной забавой определенной части революционно настроенной интеллигенции, она являлась результатом своеобразной диффузии рационально выверенного и научно обоснованного учения К. Маркса, с одной стороны, и имеющих многовековую и особенно укорененную в российской ментальности традицию религиозно-мистических представлений о совершенном мире, или Царстве Божием – с другой. Эта конвергенция двух противоположных по сути идеологием стала возможной благодаря общности их вектора, стремлению к одной цели – социализму как особого рода общежитию людей, лишенному несправедливости и пороков, в котором каждый человек обретет счастье и покой.

Эта утопическая мечта сквозной линией проходит через всю историю русской культуры и философии, определяя их специфику и направленность. Напряженный поиск правды соседствует здесь с мощной теократической установкой, связанной с особым родом мистическим реализмом, признающим, с одной стороны, эмпирическую действительность, но с другой – видящим реальность трансцендентную, истинно совершенную и образцовую, благодаря которой земное бытие имеет смысл и основание. Следовательно, подлинный смысл истории – максимальное соответствие земной реальности небесной, полное преобразование эмпирического мира в соответствии с духовным эталоном. Эта идеологическая установка берет свое начало в Московском царстве с его идеей Москвы – Третьего Рима, затем философски обосновывается в построениях П. Я. Чаадаева, славянофилов и В. С. Соловьева и получает практическое воплощение в деятельности большевиков. «Это был некий удивительный миф, вырвавшийся из потребности сочетать небесное и земное, божественное и, наконец, человеческое в конкретной реальности» [2, с. 35], – писал В. В. Зеньковский

В связи с этим понятной становится особенная восприимчивость русской ментальности к коммунистической идее, имеющей значительный религиозный смысл, а также тот внешне парадоксальный факт, что многие отечественные философы, ставшие столпами религиозно-философской мысли, прошли через серьезное, но недолгое увлечение марксизмом. Так, еще С. Н. Булгаков – и не он один – обратил внимание на глубоко религиозный смысл коммунистической утопии, на ее конгенитальность вековым устремлениям русского народа, а его основателя – К. Маркса – рассматривал как религиозный тип личности.

И все же марксизм при всей его аутентичности общему духу и смыслу национального устроения не был воспринят лидерами революции как буквальный и последовательный алгоритм революционных изменений. Это прекрасно осознавал такой ортодоксальный марксист, как Г. В. Плеханов, неоднократно предупреждавший

о неготовности России к реализации марксистского проекта. Как оказалось, дело было вовсе не в России и не в ее революционной незрелости, а в непригодности самого марксизма к использованию в качестве теории и практики российской революции. Именно этим объясняется та напряженная и драматичная борьба идей и философских кланов в начале XX века в условиях назревающей Реформации, имевшей марксизм своей отправной точкой и главным объектом дискуссии. Первый заметный раунд этой борьбы развернулся на страницах знаменитого и резонансного сборника «Вехи», в котором российская интеллигенция поставила диагноз социально-политическому, культурно-историческому и особенно духовно-нравственному состоянию России.

Авторы «Вех», уверенные в ущербности духовных и общественно-политических идеалов русской интеллигенции, с нескрываемым удовлетворением приветствовали поражение русской революции, всерьез полагая, что оно вызовет пересмотр всей системы революционного мировоззрения, принимаемого до сих пор на слепую веру. С. Н. Булгаков назвал революцию духовным детищем русской интеллигенции, и ее история – это суд истории над ней и над ее ценностями.

«Вехи» стали приговором русской революционной традиции, берущей начало в народничестве и получившей продолжение в его марксистском переиздании: классический марксизм, как и марксизм народнического толка, обречен в России на поражение и идейное банкротство. Первая русская революция отрезвила русскую интеллигенцию и революционную ее часть в особенности. При всем откровенном неприятии пафоса «Вех» русские марксисты не могли не сделать выводов из итогов революции, впервые задумавшись о релевантности марксистских схем российской действительности.

Именно в этих условиях очевидного краха революционной идеологии промарксистского плана поиски новой парадигмы и программы преобразования России стали наиболее отчаянными, что нашло отражение в появлении таких интеллектуальных движений, как богоискательство и богостроительство.

Богоискательство, представленное достаточно разными течениями и персоналиями, едино в одном – в однозначном неприятии революции, как и любых других способов какого-либо вмешательства в ход исторического процесса. Исходя из понимания религиозной идеи как инструмента индивидуального духовного совершенствования человека и солипсического стремления построить совершенный мир через поиски Бога в себе и достижение внутренней гармонии, богоискатели противопоставили любому активным действиям, тем более политическим. Именно поэтому революционный марксизм, хоть и выступал некоторое время сильным соблазном для многих из них как, прежде всего, религиозно-философская программа духовного освобождения человека, весьма близкая пафосу христианства, тем не менее был однозначно отвергнут как научное учение о революции и строительстве нового материального мира.

Богостроительство, неслучайно открыто заявившее о себе именно в 1908 г. после краха, как политического, так и идеологического, Первой русской революции, заняло промежуточную, компромиссную позицию, развернув не просто альтернативную политическую программу, а новую религиозно-философскую парадигму, представляющую синтез науки, идеологии, философии, религии и мистики. Попытки создания такой парадигмы, для которой марксизм был лишь одним из источников, отцами-основателями богостроительства предпринимались задолго до начала Первой русской революции, но тогда это были лишь смутные предположения о недостаточности марксизма лишь как научной теории, тем более такой односторонне материалистической. Уже тогда и А. А. Богданов, и А. В. Луначарский относились к марксистскому учению максимально творчески и видели в нем не только сухую социально-экономическую и политическую концепцию, но и живое и эмоциональное гуманистическое учение, обращенное не столько к разуму человека, сколько к его эмоциям и чувствам. Именно поэтому они, сделав это по-разному и расходясь по многим вопросам, не могли не наделить ту версию марксизма, которая была ими создана в виде богостроительства, глубочайшим религиозным содержанием и направленностью.

Как известно, и Богданов, и Луначарский в юности, когда кристаллизуется мировоззрение личности, чрезвычайно фанатично увлеклись идеями Э. Маха и Р. Авенариуса, представляющими в философско-мировоззренческом плане субъективный идеализм самого рафинированного вида. Именно поэтому все возможные проблемы как теоретического, так и практического свойства сводятся, так или иначе, к проблеме человека и его опыта. Поэтому же для них вопрос идеологии и культуры, цель которых – объединение людей, прежде всего, на психической основе и полное отождествление индивидуального, общественного и классового сознания, – основной. «Социализм не есть дело выигранной битвы или настроения, порыва, массового устремления воли. Конечно, все это есть в нем; но настроения и порывы, не кристаллизованные прочной идеологией, стремления, не организованные в устойчивую классовую волю – в твердо осознанный идеал и ясно установленный путь к нему, никогда не могут решить задачи: классовая стихийность не может создать всеобщей плановости. Социализм – дело метода» [1, с. 334], – пишет Богданов.

Говоря о коллективном единстве как главном принципе нового общества и человека, Богданов понимает его, прежде всего, как единство психическое: «Мы можем характеризовать сотрудничество при коллективизме как *научно организованную систему товарищеских связей, централистический коллектив, основанный на величайшей подвижности его элементов и их группировок, при высокой психической однородности трудящихся как всеобщие развитых сознательных работников*» [Там же, с. 304].

Именно поэтому, наравне с богостроителем Горьким, Богданов является создателем такого масштабного социокультурного феномена, как социалистический реализм, призванного не столько отражать общественное бытие, как этого требует ортодоксальный марксизм, сколько творить его **практически из ничего** силой художественного воображения. В связи с этим вполне логичным и обоснованным является организаторское участие Богданова в деятельности небезызвестного Пролеткульта, оказавшего не только огромное влияние

на становление и развитие советской литературы в частности и культуры вообще, но и на массовое сознание и практику социалистического строительства.

Центральная тема рассуждений другого классика богостроительства – А. В. Луначарского – это природа и человек. Природу он рассматривает как нечто противостоящее человеку, как препятствие его комфорту и благополучию. Луначарский негодует против бессмысленной беспощадности природной стихии, которую ничто не остановит: ни величие человеческого гения, ни красота сотворенных им вещей. Поэтому социализм – это, прежде всего, способ и процесс подчинения природы, результатом которого станет подлинное величие человека, его превращение в Сверхчеловека. Неслучайно В. И. Ленин, осуждавший такое прорелигиозное понимание социализма, указывал на опасность подхода к социализму лишь как к средству превращения человека в Бога.

Анализируя ход мировой истории, Луначарский обнаруживает в нем сквозной мотив, логический стержень, определяющий социально-историческое поведение людей в любые времена, – борьбу за выживание, с необходимостью предполагающую борьбу с хаосом природы, ее преобразование в соответствии с неким идеалом, который динамически меняется по мере развития самого человека и его успехов в борьбе с природой. Подобные мысли Луначарский обнаруживает в марксизме, что заставляет его уже в юности всерьез обратиться к изучению трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Гениальное достижение Маркса, как известно, заключается в открытии трудовой сущности человека. Ведь именно посредством труда человек изменяет природу, адаптирует ее под свои нужды, в соответствии со своим идеалом, наполняет природные стихии смыслом и пользой, делает их предсказуемыми и, следовательно, безопасными. Однако труд открывает возможности не только расширения свободы человека, но и его тотального порабощения. Поскольку труд, как доказывает Маркс, – всегда деятельность социальная, коллективная, зачастую неорганизованная и спонтанная, то результаты труда предстают в итоге в измененном, отчужденном от человека виде, что и становится причиной тотальной зависимости человека от экономики, которая из средства выживания превращается в самоцель, порабощающую человека. Решение этой опасной и вечной проблемы Луначарский, как и Богданов, видит в максимальной организации коллективного сознания, коллективной воли. Ведь в любой борьбе, особенно в борьбе с природой, необходима всеобщая солидарность индивидов. Борьба – задача не столько личная, индивидуальная, сколько коллективная, поэтому, по мнению Луначарского, всегда «сознательный индивид отождествляет свои цели с целями Вида» [3, с. 336], зачастую подчиняясь им в своих же интересах. Эти идеологические убеждения по сути своей являются религиозными: ведь любое провозглашение идеала, противостоящего существующей реальности, несет в себе религиозный пафос, предполагая не столько рационально-понятийное, сколько эмоционально-ценностное отношение. Именно поэтому, несмотря на внешнюю наукообразность марксизма, Луначарский видел в нем, прежде всего, религию в самом широком смысле этого слова.

В религиозности Маркса Луначарский не сомневался, как бы сам Маркс, не подозревавший истинного (с точки зрения Луначарского) значения слова «религия», против этого ни возражал. Видя главным критерием религии идею коллективизма, Луначарский пишет: «И чем более решительно опровергал Маркс все над видом возвышающееся внечеловеческое, тем более резко подчеркивал он примат человечески-коллективного над человечески-индивидуальным... Горячее чувство своего родства, своей сопринадлежности богу-младенцу, понимание ценности жизни личной лишь в связи с грандиозным размахом жизни коллективной – вот религиозное чувство Маркса» [Там же, с. 347].

В марксизме Луначарский видит тот единственный вариант здорового компромисса между крайностями мистического и материалистического христианства, который и есть истина. Новозаветному Евангелию, столетия вдохновлявшему все существовавшие в рамках христианской цивилизации попытки борьбы с социальной реальностью, он противопоставляет Новое Евангелие – учение К. Маркса. «В своем синтезе оно обнимает и поднимает не только противоречия язычества и христианства, тела и духа, но и противоречия индивида и свободы и многое другое» [Там же, с. 152], – уверен Луначарский.

Он нисколько не сомневается в перспективах такого «адаптированного» марксизма в России, которой «предстоит революция скорее в одежде религиозной, чем откровенно экономической, ибо по количеству своему крестьянство сыграет... в ней главную роль, наложит на нее свою печать» [Там же, с. 180]. И если обычный идеал крестьянства носил мелкобуржуазно-собственнический характер и его вполне устраивал официально-формальный или либеральный вариант религиозности, то в капитализирующейся России с нарастанием темпов пролетаризации крестьянства этот идеал неизбежно изменится и возникнет настоящая потребность в религии нового типа: «Часть... деревенской бедноты уйдет в промышленный пролетариат и здесь постепенно естественно воспримет религию научного социализма» [Там же, с. 182]. Именно этот процесс с художественной убедительностью был показан М. Горьким в романе «Мать».

Все имевшиеся в истории попытки прорыва человека к так называемому Богу, воплощавшему мечту человека об идеале, были тщетны и непродуктивны, ибо представляли собой «иллюзорные проекции человеческого общества на природу, приобретающую таким образом обманчивый вид общества более идеального, чем человеческое. Но наступает время религиозного реализма, все ставится на свое место, единственно божественным оказывается самое человеческое общество, притом, конечно, в его развитии, в его потенциях» [Там же, с. 364].

Этот проект «религиозного реализма», или «богостроительства», в теоретической разработке которого А. В. Луначарский принимал активное участие наряду с М. Горьким и А. А. Богдановым, был положен в основу беспрецедентного по масштабам эксперимента строительства «нового общества» и «нового человека», осуществленного большевиками под эгидой марксизма. Следует признать, что самого марксизма в идеологическом багаже русской революции было немного: он оказался до неузнаваемости адаптирован и

модифицирован сообразно специфике российской ментальности с ее религиозно-мистическими ориентациями. Одной из таких модификаций и стало богостроительство как своего рода «религиомаксизм», положенный в основу практической реализации еще одной утопии.

Список литературы

1. Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001.
3. Луначарский А. В. Религия и социализм. СПб., 1908. Т. 1.

GOD-BUILDING PHILOSOPHY AS RUSSIAN MARXISM INVARIANT

Vitalii Yur'evich Pimenov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Smolensk State University
vpim@bk.ru

A. V. Lunacharskii and A. A. Bogdanov's philosophical ideas are not only the basis of God-Building – the influential philosophical movement of the beginning of the XXth century – but to a large extent necessary under Russian conditions Marxism adaptation which became the ideological matrix of Bolshevik revolutionary transformations especially in culture sphere. God-Building is presented as the specific religious Marxism – Russian Marxism invariant - which is the basis of socialist transformations.

Key words and phrases: God-Building; A. A. Bogdanov; A. V. Lunacharskii; religion; Marxism; revolution.

УДК 93/94

В статье приводится анализ публикаций газеты «Пензенские губернские ведомости», посвященных деятельности пензенского земства в области образования. Дается характеристика направленности и содержания публикаций на протяжении всего периода существования земских органов самоуправления. Особое внимание уделяется критическим материалам прессы.

Ключевые слова и фразы: земство; земское самоуправление; сфера образования; просвещение; печатные материалы; публикация.

Анна Юрьевна Питерова, к.и.н.
Евгения Александровна Тетерина, к.и.н.
Кафедра «Коммуникационный менеджмент»
Пензенский государственный университет
yuganovs@mail.ru; evgenia_t@bk.ru

ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ПЕЧАТЬ О ЗЕМСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В 1864-1917 ГГ.®

Печать Пензенской губернии в исследуемый период была представлена как крупными газетами и журналами, так и многочисленными справочными листками, сборниками, хрониками, которые освещали общественную, экономическую, хозяйственную и другие стороны жизни края. В частности, деятельность губернских земских учреждений была подробно освещена в газете «Пензенские губернские ведомости».

Публикации в прессе, касающиеся сферы образования, появились не сразу с момента возникновения земских учреждений в 1864 г. Должно было пройти некоторое время, для того чтобы средства массовой информации сделали первые выводы о произошедших (или не произошедших) изменениях. Стараясь поддержать свой авторитет в глазах общественности, земства по возможности занялись строительством школ, устройством библиотек, домов-читален и т.п., о чем сообщалось в отчетах и, соответственно, в прессе.

Постепенно, публикуя извлечения из постановлений уездных земских собраний, «Пензенские губернские ведомости» стали поднимать многие назревшие проблемы в области народного образования. Для сокращения издержек губернского земства было издано постановление об открытии школ и училищ в уездах на их собственные средства. Суммы, выделяемые на строительство учебных зданий, были очень малы, «...училища находятся в таком положении, что не должны быть оставлены без поддержки, без которой и существовать уже не могут...» [1, с. 182].

В 1871 г. был опубликован отчет «О начальных народных училищах Пензенской губернии за 1870 г.», в котором особо отмечалось, что «...в тех уездах, где земство принимает участие в содержании школ, училища содержатся гораздо лучше, потому что есть возможность определять в них подготовленных учителей; там и учащихся больше, потому что такие училища приобретают доверие местных жителей». На народные училища в 1870 г. земство Пензенской губернии выделило 12540 руб. 74 коп. [10, с. 92-93].